

ПУТЬ ХУДОЖНИКА

Голландский и бельгийский период *(отрывок из статьи Н. Щекотова)*

Ван Гог начал не с искусства. Он пришел к художественному творчеству сложным путем, через ряд потрясений. Один из первых чрезвычайно острых и тяжелых кризисов был испытан Ван Гогом в самом начале его жизни. После пяти лет примерной работы в качестве служащего в большом антикварном деле его дяди Ван Гог обнаруживает внутреннюю неудовлетворенность своей едва только начавшейся самостоятельной трудовой жизнью. Он пытается ее перестроить.

«Чтобы действовать в этом мире, надо умереть для самого себя; народ, обращающийся в проводника религиозной мысли, не имеет другого отечества, кроме этой мысли. Человек в этой жизни не только для того, чтобы быть счастливым. Он живет, чтобы осуществить великие вещи через общество, чтобы достигнуть благородства души и подняться над мещанством, в котором пресмыкается существование почти всех индивидуумов (Ренан)», — пишет он в одном из своих юношеских писем.

Первоначальное воспитание Ван Гог получил в мелкобуржуазной семье, где еще были крепки устой

бюргерской морали. Фамилия Ван Гог была до некоторой степени родовитой; корни ее можно проследить вплоть до эпохи войн Нидерландов за освобождение от испанского владычества. Один из отдаленных предков Ван Гога, Ян Якобсон, жил в XVI веке в Утрехте, где торговал «вином и книгами» и был начальником гражданского ополчения. И в дальнейшем члены этой фамилии занимали различные, иногда довольно высокие общественные должности. Мало того, в течение трех с половиной веков, отделяющих художника Винсента Ван Гога от его предка Яна Якобсона, можно заметить среди членов фамилии Ван Гог некоторую традицию в выборе профессий. Одни из них были богословами, другие работали в области искусства.

Отец художника, окончив свое богословское образование в том же Утрехте, в котором некогда жил дальний предок Винсента, стал пастором в деревушке Грот-Зюндерт, в то время как дядя имел большое дело по торговле художественными произведениями и пользовался весом в кругах, интересующихся искусством.

Винсенту Ван Гогу пришлось с первых же шагов своей трудовой жизни испробовать обе профессии, традиционно свойственные его семье: сначала торговлю художественными произведениями, потом деятельность протестантского проповедника. Обе профессии наложили отпечаток на его жизнь, от которого ему, в общем, не удалось освободиться до самой смерти.

Первоначальное моральное воздействие, которое испытывал Винсент Ван Гог в патриархальном

и, в своем роде, добродетельном доме своего отца-пастора, еще усилилось после пребывания в Лондоне. Письма его в то время наполнены оценкой слышанных им проповедей, библейскими цитатами, нравоучительными правилами, обнаруживающими его религиозное настроение и зачастую даже имеющими привкус ханжества.

При переходе Ван Гога на службу в Париж в 1875 году в картинный салон Гупиль это настроение еще укрепилось и выросло: шумная, сложная и чуждая ему жизнь Парижа вызвала противодействие со стороны юноши, прошедшего свое детство в сельском окружении.

Все свое развитие, как и развитие своего брата, он пытается сковать законами религиозно окрашенной морали. «Ты так же, как и я, восхищался стихотворениями Гейне и Уланда, — пишет он своему брату Тео, — но берегись, мой мальчик, это довольно опасные вещи. Иллюзия недолго длится, не отдавайся ей».

Даже то, что уже тогда Винсент Ван Гог любил до чрезвычайности, что так или иначе было связано с избранной им профессией, изобразительное искусство не избегло тех же самых сомнений, с которыми он приглядывался к литературе.

«Чувство, чистое чувство красоты в природе, — пишет он брату в это время, — не одно и то же, что чувство, соединенное с верой; хотя, мне думается, и то и другое почти находится между собой в связи... То же самое и с любовью нашей к искусству. Не предавайся ей чрезмерно». Одновременно с этим Винсент начинает впадать в наивный аскетизм, избегает общения

с людьми и стесняет себя в пище. «Разнообразная пища вызывает аппетит. Вообще же мы должны прежде всего заботиться о том, чтобы есть простую пищу. Недаром сказано: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь..."»

Эта душевная настроенность делала его непохожим на обыкновенного старательного приказчика в модном художественном магазине. Исходя из тех же моральных предпосылок, он считал торговлю незаконным воровством, принимать участие в котором ему было невмоготу. Раздор, происшедший у него на этой почве с заведующим магазином, привел к его увольнению. Карьера продавца художественных произведений, к немалому огорчению его малообеспеченной и многочисленной семьи, была, таким образом, кончена. Он пытается идти по другой, традиционной для его семьи дороге, дороге проповедника. Мы снова видим его в Англии, где он получает место проповедника-методиста в школе. Одна из его сестер писала про него в это время: «Он становится тупоумным от благочестия». Другая: «Он думает, что представляет собой нечто большее, чем обыкновенный человек, я же думаю, что было бы много лучше, если бы он считал себя простым смертным». Он в самом деле не смог ужиться и в Англии и должен был вернуться в Амстердам.

Семейный совет решил, наконец, помочь ему идти по второй профессиональной линии семьи — по дороге богословия. Ван Гог готовится к экзаменам для поступления в университет, где ему предстоит пробыть семь лет. Но подготовка эта через полгода

обрывается. Впоследствии он называет эту пору «худшим временем своей жизни». Еще бы! Именно в этот момент перед ним раскрылась вся искусственность, вся ложь того мира благоустроенной и схоластически обоснованной добродетели, в которую он собирался погрузиться, пройдя ступень за ступенью всю лестницу богословских истин.

«Сижу с головой в работе, так как мне ясно, что я должен знать то, что знают те, которым я охотно хотел бы следовать, и то, чем они были одушевлены. Сказано не зря: "Изучай писание", это хорошее указание, и я очень хотел бы стать таким знатоком писания, который из своей сокровищницы знания мог бы извлечь и старые, и новые вещи».

«Учить латынь и греческий тяжело, мой мальчик, но я все же чувствую себя счастливым и занимаюсь вещами, к которым я стремился. Я не должен сидеть по вечерам так долго, дядя мне это строжайше запретил, но под гравюрой Рембрандта стоят слова: "В полночь свет распространяет свою силу", и я забочусь о том, чтобы всю ночь оставалась гореть маленькая газовая лампа, и часто лежу, глядя на нее, обдумывая мой план работы на наступающий день, лежу в мыслях о том, как бы мне лучше продвинуть мое учение».

Эти отрывки из ранних писем Винсента Ван Гога к его брату Тео дают ясную картину тех интересов, которыми была заполнена его амстердамская жизнь в 1877–1878 годах.

Одновременно с тем, как росла напряженность его моральных исканий, росло и оформлялось также и его восприятие жизни и природы.

В тех же письмах, из которых мы только что приводили выписки, находятся, например, такие места: «Начинает темнеть, и вид из окна рядом — на верфь, с маленькой аллеей тополей, стройные формы которых и тонкие ветви так рисуются в сером вечернем воздухе, неописуемо прекрасны. А там старое здание складов у воды, тихой, как воды старого пруда, о котором говорится в книге Исайи. Стены склада у воды позеленели и выветрились. Затем внизу садик, и вокруг изгородь с кустами роз, и прежде всего на верфи маленькие черные фигуры рабочих и собачка. Только что я видел дядю Яна с длинными седыми волосами; вероятно, он как раз в это время делал свой "обход". Вдали — мачты судов в доке, у старых кораблей совершенно черные, и серые, и красные мониторы. Кое-где зажигаются фонари. Ударил колокол, и целый поток рабочих направляется к воротам; является фонарщик, чтобы зажечь фонарь на площади за домом».

Это невольное отображение бытовой картинки старой Голландии предсказывает точностью своего рисунка будущие произведения Ван Гога. Крайняя внимательность к природе и быту, умение взять главное, напряженность при восприятии, дар проникновенной и острой наблюдательности при способности видеть и компоновать наблюдение по-своему — все эти особенности, обнаруженные Винсентом с юношеских лет, являются предвестниками его будущих художественных концепций. При такой наблюдательности, с одной стороны, и при постоянном соприкосновении с произведениями искусства — с другой, вполне естественно, что Винсент Ван Гог уже рано

делает попытки набросать рисунок той или другой чем-нибудь заинтересовавшей его местности. В письмах из Лондона 1876 года мы, например, видим несколько очень острых, в особенности для непрофессионального художника, набросков.

«Я в вечном беспокойстве, — пишет его мать, — что Винсент, куда бы он ни попал или за что бы он ни взялся, из-за своих странных и чуждых воззрений и восприятий жизни везде должен будет сорваться». И Винсент, действительно, всю свою жизнь «срывался» и вечно начинал заново.

Так, сорвавшись на попытке поступить в университет, Ван Гог все же не хочет верить, что при его преданности моральному долгу ему останутся закрытыми пути к служению «униженным и оскорбленным». Он поступает в миссионерскую школу в Брюсселе. Но и здесь он чувствует себя, по собственным словам, «как кошка в чужом амбаре». Странности его манер и небрежность его костюма вызывают насмешки. Главным его недостатком, по мнению лиц, имевших с ним тогда дело, было то, что «он не желал знать подчинения».

После трехмесячного обучения, когда он должен был, согласно уставу школы, получить соответствующую должность, ему в этой должности отказывают. В конце концов, при помощи связей, которые были у его отца в среде духовенства, его направляют в Боринаж. Обязанности его здесь заключаются в чтении Библии местному населению и в посещении и утешении больных. Он, наконец, доволен. Цель как будто бы достигнута; желанная деятельность открыта

перед ним. «В свое время еще в Англии я хотел получить место миссионера среди горняков и на угольных коях, — пишет он Тео в 1878 году, — но тогда на мои желания не обратили внимания и сказали, что надо для этого иметь по крайней мере двадцать пять лет... На юге Бельгии, приблизительно от Монса до французской границы и даже несколько дальше за ней, лежит местность, называемая Боринаж, где живет своеобразное население из рабочих, которые работают в многочисленных каменноугольных коях. Вот что я нашел, между прочим, в одной географической книжечке: “Углекоп — особый тип в Боринаже. Дня для него не существует, и, за исключением воскресенья, он едва ли пользуется солнечными лучами. Он тяжело работает при бледном, рассеянном свете лампочки, горящей под сводом тесной галереи; с согнутым телом, зачастую вынужденный ползти, работает он, чтобы вырвать из земных недр тот минерал, полезность которого мы все знаем; работает среди постоянных опасностей.

Но бельгийский горняк обладает счастливым характером, он привык к такой жизни, и когда он спускается в шахту, с маленькой лампочкой на шляпе, ведущей его во мраке, он вверяет себя Богу, который видит его труд и защищает его, его жену и детей”».

Нельзя не отметить здесь эту типическую по своему ханжеству и в то же время столь характерную для таких популярных книжечек, издаваемых буржуазией, концовку о счастье бельгийского горняка, в которой забота о нем и о его семье перелagается на Господа Бога.

Винсент вскоре на своем собственном опыте должен был испытать, чего стоит и счастье бельгийского горняка, и помощь, оказываемая ему со стороны небесного покровителя.

Вот несколько отрывков из описаний Винсента, посланных им в письме к Тео из местности Вам в Боринаже (1878–1879 годы). В одном письме он говорит о своем посещении одной из самых опасных в Боринаже копей, под названием Маркасс: «Она пользуется плохой славой, так как в ней, при спуске и подъеме, вследствие удушливых газов, подпочвенных вод или вследствие обвала старых ходов многие погибают. Это мрачное место, и, на первый взгляд, все в окрестности носит на себе печать какой-то печали и смерти. Рабочие тут, большей частью, изнурены лихорадкой, бледные и выглядят утомленными, выветренными и преждевременно состарившимися; женщины, в общем, вялые и отцветшие. Кроме того, здесь много болезненных и прикованных к постели людей, истощенных, слабых и несчастных. В одном доме все больны лихорадкой, и у них мало или даже вовсе нет никакой помощи... “Здесь больной ходит за больным и бедняк друг бедняку”, — сказала одна из женщин этого дома».

Вот какие существенные дополнения и поправки вынужден был внести сам Винсент в свою географическую книжечку. Его первоначальная выдержанность и даже ровность скоро сменились свойственной ему нервностью, экзальтацией и аскетическими крайностями. Для такой смены были налицо еще и другие побудительные причины:

к эпидемии тифа присоединилось большое несчастье в копиях. Чаша терпения переполнилась — началось восстание рабочих. К сожалению, не осталось писем Ван Гога, относящихся к этому моменту, или, возможно, их просто скрыли.

Во всяком случае, отношения Ван Гога с духовным начальством становятся к этому времени невыносимыми для обеих сторон. «Он не подчиняется желаниям своего начальника; он, кажется, остается глухим к тем увещаниям, с которыми к нему обращаются», — пишет его мать. Наконец, и начальство отказывается дальше держать его миссионером. Миссионерство его можно считать конченным.

Но умерев как миссионер, Ван Гог родился как художник.

Каждый раз, когда он с особенным напряжением предавался своей миссионерской, официальной, так сказать, деятельности, в нем одновременно усиливалось, пока еще подпольно, и тяготение к искусству.

Искусство становилось постоянным противовесом проповедничеству. Это стремление зачастую выражалось у него в очень резких переходах от тяжелых житейских впечатлений к умиротворяющим вопросам искусства. В том же письме, где он описывает невероятные страдания рабочих в мрачных копиях Маркасс, тотчас же, без всякого перехода, у него начинается фраза: «Видал ли ты за последнее время что-нибудь прекрасное? Много ли работал Израэльс, а также Морис и Мауве?..»

Такой внезапный переход в устах серьезного и глубоко отзывчивого к людским страданиям человека,

каким был Винсент, был бы почти чудовищным по своей резкости и сухости, если бы искусство не служило для него своего рода бальзамом, смягчающим боль ран, нанесенных жизнью.

Искусство действовало целительно на его психику. Сравнительно с действительностью, жизнь в искусстве, в его глазах, была более мягкой, более упорядоченной.

В его письмах впервые проявляется эта роль искусства. Словами и образами он изливает свои переживания. Он создает уже как бы программы картин.

«Я нацарапал рисунок горняков (забойщики и забойщицы), — пишет он брату, — идущих утром в снегу вдоль терновой заросли по тропинке в шахту. Проходящие кажутся теньями, еле различимыми в утреннем сумраке, на заднем плане расплывчато поднимаются большие строения копей... Я шлю тебе набросок, чтобы ты мог себе это представить».

Одновременно Ван Гог изучает по учебникам анатомию и перспективу, а по учебнику рисования и приложенным к нему упражнениям учится рисовать углем. С особенным интересом он относится к собиранию гравюр по дереву, в частности к произведениям Милле, которого он ставит очень высоко.

Художественные симпатии Винсента Ван Гога были направлены прежде всего в сторону барбизонской школы, которая, между прочим, сильно повлияла на ряд голландских художников, живших и уже известных в его время. Барбизонцы вообще объединяли тогда передовые художественные вкусы Франции, Англии, Голландии и Бельгии. За год до того письма,

в котором он посылал брату свой набросок углекопов, идущих на работу, Винсент посетил пешком некоторые места, по характеру своему близкие барбизонцам.

«Хотя это путешествие меня почти свалило с ног и я возвратился истощенный от усталости и в довольно меланхолическом состоянии, я все же не жалею, так как я видел интересные вещи; учишься видеть другими глазами в тяжелых испытаниях нищеты.

Кое-где в дороге я зарабатывал себе кусок хлеба в обмен на рисунки, имевшиеся в моей путевой сумке. Но когда у меня вышли последние десять франков, я должен был проводить последние ночи в открытом поле, раз даже в пустой повозке, утром побеленной инеем. И все же как раз в этой отчаянной нищете я чувствовал, как ко мне возвращается моя энергия... Я видел и еще нечто другое во время этой вылазки, именно: деревни ткачей. Горняки и ткачи — это особенный от других рабочих и ремесленников род человеческий; я чувствую к ним большую симпатию и считал бы себя счастливым, если бы мог в один прекрасный день их нарисовать, чтобы вывести на свет эти еще неизвестные или почти неизвестные типы. Рабочий угольных копей — это человек из глубины пропасти, ткач же имеет мечтательный вид, почти задумчивый, почти сомнамбулистический».

Этот отрывок не нуждается в комментариях: из него ясно, что интересует и волнует Винсента на его новой дороге, дороге художника.

Боринаж, жизнь среди пролетарских масс дала, наконец, более конкретное содержание его художественным устремлениям. Жизнь в Боринаже дала ему

художественные образы, во имя которых, он чувствовал, стоило жить и трудиться художнику. Это один из важнейших моментов в его жизни. «Я не могу тебе сказать, — пишет он в том же письме, — каким счастливым я себя чувствую, что опять взялся за рисование, хотя ежедневно появляются все новые затруднения и будут появляться и дальше... Пока для меня дело идет о том, чтобы учиться хорошо рисовать, стать господином своего карандаша, угля, кисти; достигнув этого, я всюду смогу делать хорошие вещи, и Бринаж так же живописен, как Бретань, Нормандия, Пикардия или Брие».

Обращение Винсента к искусству произошло приблизительно в 1880 году, т. е. когда ему было двадцать семь лет. Юношеские годы прошли, начиналась зрелость. А между тем ему приходилось делать то, что свойственно юношеству, — учиться. Учение его к тому же должно было начаться с самых азов, а до конца жизни ему осталось всего десять лет, он умер в 1890 году. Как трагически мал оказался срок для развертывания деятельности такого сложного человека и серьезного живописца, каким он был.

Положение Ван Гога с того момента, как он серьезно принялся за свою учебу, оказалось чрезвычайно унижительным для него: это было положение взрослого человека, испортившего «неизвестно почему» свою карьеру и вынужденного, как говорится, сидеть на шее своих родных, тех, от кого он ушел, кого он оскорбил и продолжал оскорблять своими странными повадками, своими воззрениями, столь противоречившими патриархальной морали пасторских кругов,

даже своим наружным видом, роднившим его с представителями люмпен-пролетариата.

Создавшиеся у него отношения с родными, на средства которых он вынужден был учиться, рисуются в его письме 1881 года, посланном им из Брюсселя, куда он приехал из Боринажа, считая этот переезд необходимым для учения. С какой униженностью, с одной стороны, и болью за «ограбляемых» им родителей — с другой, наносил он на почтовую бумагу оправдания своих грошовых трат и набрасывал обманчивые перспективы своих будущих и, увы, никогда не достигнутых им заработков.

Чтобы облегчить и ускорить процесс учения, Винсент делает даже попытки примириться как-нибудь с теми, кого восстановил против себя во время своего столь неудачливого миссионерства. Через брата он принимает меры к тому, чтобы связаться с меценатами, любителями и торговцами художественными произведениями, надеясь в этом кругу найти хоть какое-нибудь сочувствие своему делу. Собираясь ехать для всех этих примирительных процедур в отчий дом, он пишет брату: «Лучше всего, конечно, если бы я провел это лето в Эттене — там достаточно материала для работы, ты можешь написать отцу, что я готов и в одежде, и во всем прочем все устроить так, как им хочется... и в семье, и вне ее всячески обо мне судят и рядят, и вечно слышишь при этом самые противоположные мнения. Я этого никому не ставлю в вину, так как сравнительно мало кто знает, почему художник действует так, а не иначе».

Одновременно Ван Гог всячески старается связаться с передовыми художниками своего времени, в частности со своим родственником Мауве, одобряющим его рисунки и советующим ему заниматься живописью; но Винсент считает это еще преждевременным и продолжает заниматься рисованием по учебнику, отвлекаясь от него только для рисования с натуры.

От времени его пребывания в родительском доме в 1881 году дошел ряд набросков, сделанных в письмах к брату. Как и раньше, внимание его направлено почти исключительно на передачу поз и движений рабочих, вызванных каким-нибудь трудовым процессом. В данном случае — это сельскохозяйственная работа, поскольку только ее он и мог наблюдать в Эттене. Между прочим, он продолжает копировать те же произведения Милле, над которыми работал еще в Боринаже.

В этот первоначальный момент его серьезного и практического отношения к делу художника обращает на себя внимание то, что, несмотря на пользование учебниками рисования, несмотря на изучение, конечно кустарное, анатомии и перспективы, Винсент уже проявляет свежесть и остроту восприятия натуры. Вместе с тем и по тематике своей, по тому вниманию, которое Винсент уделяет процессам труда и выбору рабочего типажа, рисунки свидетельствуют о довольно отчетливом представлении начинающего художника о том, чему искусство должно служить в будущем. Наконец, знаменательно и то, что Ван Гог, несмотря на большую любовь к старинной живописи и знание ее, предпочитает все же опираться на современных ему мастеров. В это время в его письмах

место старых голландцев, Рембрандта, Делакруа, Домье, занимают имена Мауве, Израэльса, Боутона и других современных ему, тогда еще передовых мастеров Голландии, Бельгии и Англии.

Так началась художественная деятельность Ван Гога.

Но уже в самом начале он, по обыкновению, срывается и снова переживает тяжелый внутренний кризис. Кризис этот, приведший Винсента к такой изоляции от общества, которая превзошла все бывшее с ним до сих пор, связан с двумя женщинами, которых он любил. Одна из них принадлежала к тому социальному слою, с которым он боролся, а другая — к люмпен-пролетариату.

Если в ранних конфликтах со средою он затронул два важнейших устоя буржуазного существования: усомнился в законности и моральной правильности права собственности и раскрыл ханжескую, хищническую подоплеку религии и мелкобуржуазной, бюргерской морали, — то теперь ему пришлось больно для себя и для других затронуть и еще один из основных устоев буржуазного общества — семью, положение женщины в этом обществе.

Конфликт начался в доме отца Винсента в Эттене и завершился катастрофой в Гааге.

Среди посетителей пасторской семьи в 1881 году была некая К., молодая вдова с сынишкой, недавно потерявшая мужа. Она заинтересовала Винсента. «Любовь — это нечто положительное, нечто сильное, — писал он брату, — так что для каждого, кто любит, нет возможности сопротивляться этому чувству. Моя

жизнь и любовь — одно. Пусть, кто хочет, будет меланхоликом, для меня этого довольно, я не желаю больше ничего, кроме той радости, которой полон жаворонок весной!..»

Не верится, что его любовь была так же беззаботна и проста, как песнь жаворонка. Не поверила ей и К... Она покинула вскоре Эттен, не без воздействия родных и пасторского дома, обеспокоенных увлечением Винсента. Какое возмущение вызвало поведение Ван Гога в Эттене, можно судить по письмам его к Тео за это время: «Я работаю здесь с мая, я начинаю знать и понимать мои модели, моя работа идет вперед, но все это далось мне не без труда... И вот, когда я в пути, отец мне говорит: “Так как ты пишешь письма К... и между нами возникают неприятности... я тебя выставляю за дверь!..” Что бы она сказала, если бы знала, что произошло сегодня утром, — она так добра и приветлива, что ей доставляет сердечную боль вымолвить хоть одно неприятное слово; но когда эти столь сладкие, столь деликатные, столь любвеобильные люди, когда они поднимаются, затронутые за живое, — горе тем, против кого они восстают».

Тяжелая борьба закончилась, как и следовало ожидать, взрывом ярости с той и другой стороны: «Я сунул мой палец в пламя лампы, — вспоминал потом Винсент один из моментов этого взрыва, — и сказал: “Дайте мне повидаться с ней на то хотя бы время, сколько я выдержу руку в пламени”... Но они задули, кажется, лампу и ответили: “Ты ее не увидишь”». И Винсент в самом деле никогда больше не видал К.

Но это было не все. Как за срывом на поприще теологии последовал Боринаж, так за отвергнутой любовью Винсента к К. наступила позднее его глубокая и трагическая привязанность к несчастной, изуродованной жизнью женщине из «подонков» общества, привязанность, окончившаяся тяжким моральным и физическим кризисом, повергшим Винсента в отчаяние. Спасаясь от меланхолии, начинавшей овладевать им после бурного столкновения с «господами жизни», Ван Гог поехал в Гаарлем, потом в Гаагу к своему родственнику, художнику Мауве. Очень характерны те строчки, которые Винсент посвящает своей попытке поучиться у этого тогда уже признанного мастера. Именно такого рода попытками, в самом начале которых уже обнаруживается строптивость характера Винсента и его скептицизм по отношению к учителям, почти что и ограничивалась вся учеба его у современных ему мастеров. Ван Гог всегда был и оставался прежде всего самоучкой в лучшем и трудном смысле этого слова.

Винсент описывает свою встречу с Мауве, или, вернее сказать, свою атаку на этого художника, так:

«И тогда спросил Мауве: “Есть у тебя особое что-нибудь?” — “Да, вот два этюда”. И вот он сказал мне много хорошего про них, слишком много, и несколько критических замечаний, слишком мало. На следующий день мы поставили мертвую натуру, и он начал при этом поучать меня: “Так ты должен держать свою палитру”. После того написал я несколько этюдов и две акварели». В кратком описании встречи с Мауве Винсент проявляет едкую

иронию к учителю, не понявшему, что перед ним не новичок, а человек, глубоко продумавший вопросы, связанные с работой художника, и глубоко захваченный этой работой.

Свидание с Мауве и работа с ним не только не успокоили взволнованные чувства Винсента и не избавили его от мучительного одиночества, но, скорее, еще больше подчеркнули последнее. Тогда-то он сделал шаг, который роднит его с некоторыми наиболее трагическими героями Достоевского.

«Все время у меня в мозгу и в теле оставалось ощущение голода, именно в мозгу и в существе моей души, вследствие той воображаемой или действительно существующей церковной стены (он говорит здесь про ту стену, посредством которой от него отгораживалось общество — Н. Щ.). “Но я не хочу подчиниться этому фатальному настроению”, — сказал я себе. И подумал про себя: “Я должен быть с женщиной, я не могу жить без любви... Я не дал бы и гроша за жизнь, если бы не было в ней чего-нибудь бесконечного, глубокого, истинного”».

На улицах города он встречается с женщиной, отношения к которой как бы предсказывают наступление другой, более крепкой и трагической связи, возникшей несколько позднее в том же городе.

«Я нашел женщину, — пишет Винсент, — далеко не молодую, далеко не красивую, не отличающуюся, если хочешь знать, ничем особенным... Она была довольно большая, сильно сложенная. У нее, может быть, и не было дамских ручек, как у К... но руки, как у тех, кто много работает. Впрочем, она не была

грубой и пошлой, но имела в себе нечто очень женственное. В ней было нечто от фигуры Шардэна, или Фрера, или, может быть, от Яна Стена. Одним словом, это было то, что французы называют "работницей"... ах, ничего выдающегося, исключительного, ничего необыкновенного... Тео, для меня это, я не знаю, как выразиться, нечто отцветшее, нечто, почему прошлая жизнь имеет бесконечно много прелести...

Я, в сущности, чувствую любовь к таким женщинам, любовь, которая старше, чем любовь к К... Когда мне иногда приходилось в полном душевном одиночестве, смертельно скучая, полубольным, в нищете, без гроша денег в кармане ходить по улицам; тогда я смотрел им вслед, завидуя тем, которые могли быть с ними, у меня было чувство, эти девушки — мои сестры».

В протесте против буржуазного жизнеустройства, в ненависти по отношению к защитникам и носителям этого жизнеустройства Винсент срывается к люмпен-пролетариату. Здесь он находит новые связи с людьми, презираемыми попами и благовоспитанными бюргерами, здесь ищет личной жизни, и здесь же раскрывается перед ним родина его художественных образов, новая красота, красота обыкновенных, ничем не замечательных, кроме своих постоянных страданий и непрестанных забот о куске хлеба, героев и героинь, которые дают ему силы для выполнения новой миссии, — его деятельности художника.

1935 г.

1873–1883 ГГ.

ПИСЬМА К БРАТУ

Винсент Ван Гог родился 30 марта 1853 года в семье пастора протестантской церкви в провинциальном городке Зюндерт на юге Нидерландов. С 1869 года Винсент занимался торговлей картинами в «Гупиль и Ко» – фирме по продаже произведений искусства, принадлежавшей его дядюшкам: Винсенту Ван Гогу – старшему (в честь которого был назван будущий великий художник) – в письмах он дядя Сент, Хендрику Винсенту – в письмах дядя Хейн – и Корнелису Маринусу Ван Гогу – в письмах дядя Кор. В шестнадцать лет он был переведен в Гаагу. Именно там в 1872 году начинается его обширная переписка с домашними и младшим братом – Теодором Ван Гогом, которому он впоследствии напишет около 650 писем.

1

Гаага, 24 марта 1873 г.¹ _____

Дорогой Тео! Не посмотришь ли ты, нет ли еще в Брюсселе картины Шотеля? Ее отсюда передали 6 мая 1870 на комиссию, но возможно, что дядя послал ее обратно в Париж. Если, однако, это не так, позаботься, чтобы ее сейчас же отослать сюда; у нас имеются все данные ее продать; дело срочное...

Кланяйся от меня дяде и тете и господам Шмидту и Эдуарду... До свидания. Будь здоров. Винсент

---

¹ Письмо было написано на фирменном бланке. В шапке листа стояло: «Эстампы и современные картины старинной фирмы Винсент Ван Гог. Поставщик собраний их величеств короля и королевы. Площадь № 14. Гаага. Приемник Гупиль и Ко».

Винсент Ван Гог приезжает в Лондон в 1873 году, когда за хорошую работу его переводят в лондонский филиал. Именно в Лондоне Ван Гог влюбляется в Евгению Луайе – дочь хозяйки пансиона, в котором живет.

Более года окрыленный Винсент не говорит ни слова о своих чувствах, а когда все же решается объясниться в любви, узнает, что Евгения давно помолвлена с предыдущим постояльцем. После отказа Евгении страстный по своей натуре Винсент пытается найти утешение и с головой уходит в религию. Со временем он начинает хуже работать. Пытаясь спасти ситуацию и отвлечь племянника, дядя Сент переводит его сначала лишь на несколько месяцев – с октября 1874 г. по январь 1875 г. – в Париж. В январе Винсент снова вернется в Лондон, но ненадолго, через несколько месяцев его снова переведут в Париж, но уже окончательно.

2

Лондон, январь 1874 г.

Дорогой Тео! Большое спасибо за твое письмо. От всего сердца поздравляю тебя с Новым годом. Знаю, что в фирме у тебя идет все хорошо, так как я слышал об этом от господина Терстеха. Из твоего письма я увидел, что у тебя есть склонность к искусству, а это хорошо, мой дорогой. Я рад, что ты высоко ставишь Милле, Жака, Шрейера, Ламбине, Франца Хальса и др., поскольку, как говорит Мауве: «Это настоящее». Да, картина Милле «Вечерний звон»² — это настоящее, это поэзия, это богатство. С какой бы охотой я снова

---

² Официально картина называется «Анжелюс» (фр. L'Angélu) — по первым словам молитвы *Angelus Domini*, что означает «Ангел Господень». Возможно, переводчик использовал более поэтичное выражение, чтобы отразить сюжет картины. Запечатленные — крестьянин и крестьянка — стоят со склоненными головами, слушая церковный колокол, призывающий к вечерней молитве. Много позже, в 1880 году, Винсент создаст свою версию картины, вдохновленную Милле (прим. ред.).

поговорил с тобою об искусстве; мы должны с тобою об этом переписываться. Хвали, сколько можешь, большинство не находит вообще ничего хорошего.

Называю имена художников, которых я особенно высоко ценю: Шефер, Деларош, Гебер, Гамон, Лейс, Тиссо, Лаг, Боутон, Миллес, Тис Марис, де Гру, де Брекеллер-младший, Милле, Жюль Бретон, Фейен-Перрен, Эжен Фейен, Брион Жюно, Георг Сааль, Израэльс, Кнауэ, Вотье, Журдан, Рокуссен, Мейссонье, Мадраццо, Зиём, Будэн, Жером, Фромантэн, Декан, Боннингтон, Диаз, Т. Руссо, Тройон, Дюпре, Коро, Поль Гюэ, Жак, Добиньи, Бернье, Эмиль Бретон, Шэна, Цезарь де Кок, м-ль Коллар, Бодмер, Коккок, Шельфгоут, Вейсенбрух, Марис и Мауве.

Я мог бы таким образом продолжать бог весть как долго, а потом пойдут еще все старые мастера; и притом я убежден, что еще пропустил кого-нибудь из лучших новых художников.

Продолжай много гулять и любить природу — это настоящее средство для того, чтобы все больше и больше понимать искусство. Художники понимают природу, любят ее и учат нас видеть.

А кроме того, есть такие художники, которые вообще делают одно только хорошее, которые не могут делать ничего плохого, точно так же, как есть среди обыкновенных людей такие люди, у которых, что бы они ни делали, все хорошо.

Мне здесь отлично; у меня прекрасное жилье, и мне доставляет большое удовольствие наблюдать Лондон, английскую манеру жить и самих англичан, а затем — природа, искусство, поэзия, и если этого недостаточно, то чего же еще надо! А все-таки

я не забываю ни Голландию, ни, в особенности, Гаагу и Брабант.

Работы у нас очень много. Мы заняты инвентарем, который, однако, через 5 дней будет кончен. Дела, как видишь, у нас идут быстрее, чем у вас в Гааге.

Надеюсь, ты, как и я, хорошо отметил Рождество. Что ж, мой дорогой, будь здоров и пиши мне. Я писал первое, что придет в голову, надеюсь, ты поймешь. Адье, передавай всем привет от меня в галерее и тем, кто обо мне спрашивал, в частности тете Фи и Хаанебикам.

Прилагаю к сему пару строк для мистера Руса³.

Винсент

На открытке под рисунком была следующая надпись: «Эта маленькая церквушка – то, что осталось от старинного монастыря, принадлежавшего братству августинцев (Остин Фраерс), берущего свое начало по меньшей мере в 1354 году, если не на 100 лет раньше. Голландская конгрегация начала свои службы с 1550 благодаря пожертвованию, сделанному королем Эдуардом VI».

3

Лондон, апрель 1875 г.

Дорогой Тео! При сем шлю тебе маленький рисунок. Я его сделал в прошлое воскресенье, утром, когда у моей хозяйки умерла дочурка (тринадцати лет)⁴.

Это вид на Streatham common, большое, поросшее травой место с дубами и дроком. Ночью шел

³ Здесь и далее в скобках приводятся недостающие фрагменты писем, переведенные с английского В. О. Федосенко.

⁴ Набросок Ван Гога, нарисованный на титульном листе поэзии барона Эдмонда Берка Роше.

Лондон,
8 мая 1875 г.

дождь, почва кое-где болотиста, а молодая трава свежа и зелена.

То, что ты видишь, нацарапано на титульном листе *Poésies d'Edmond Roche*⁵.

Среди них есть очень красивые, серьезные и печальные стихотворения, и, между прочим, одно, которое начинается и кончается так:

*J'ai gravi triste et seul la dune triste et nue,
Où la mer fait gémir sa plainte continue,
La dune, ou vient mourir la vague aux larges plis
Monoton sentier aux tortueux replis*⁶.

Винсент

Далее в переводе пропущено стихотворение Эдмонда Роше «Пруд», которое переписал Ван Гог. В издании, с которого Винсент взял стихотворение, была иллюстрация – гравюра Жана-Батиста Камиля Коро «Пруд и лодочник». Винсент копирует иллюстрацию в конце письма.

4

Лондон, 8 мая 1875 г.

Дорогой Тео!

Спасибо за последнее письмо. Как дела у больной?⁷ Знал от отца о ее болезни, но не думал, что все так серьезно.

⁵ «Стихотворения Эдмонда Роше» (англ.)

⁶ *Печальный и одинокий я шел по печальной и нагой дюне,
Где стонет море в непрерывной своей жалобе, —
По дюне, у которой умирает широко лежащая волна
Однообразной тропой с извилистыми изгибами (франц.).*

⁷ Речь идет о дальней родственнице семьи Ван Гога Аннет Корнелии Хаанебик. По одной из версий, брат Ван Гога Тео был влюблен в Аннет Хаанебик. В то время как сам художник испытывал нежные чувства к ее сестре — Каролине.

Напиши мне скорее об этом. Да, дружище, ничего тут не попишешь!

К. М.⁸ и господин Терстех были здесь и в прошлую субботу уехали. По моему мнению, они больно уж много посещали «Кристал Пэлас» и другие места, где им нечего было делать. Могли бы, мне кажется, и ко мне зайти, посмотреть, как я живу...

Ты спрашиваешь об Анне⁹, но теперь уж обсудим это в другой раз.

Я верю и надеюсь, что я не то, что многие видят во мне сегодняшнем, время покажет. Быть может, и о тебе через пару лет скажут также; по крайней мере, если ты останешься тем, кто ты есть для меня сейчас: моим кровным и духовным братом¹⁰.

«Чтобы действовать в этом мире, надо умереть для самого себя. Для народа, становящегося миссионером религиозной идеи, нет другого отечества, кроме этой идеи. Человек здесь, в этом мире, не только для того, чтобы быть счастливым; он здесь для того, чтобы творить через посредство общества великие дела, чтобы достичь благородства и превзойти ту прошлость, в которой проходит существование почти всех индивидуумов. Ренан».

*Кланяюсь тебе, передай мой поклон больной!
Жму тебе руку. Винсент*

---

⁸ Дядя художника Корнелиус Маринус.

⁹ Сестра Ван Гога.

¹⁰ Этот отрывок, возможно, является отсылкой к неразделенным чувствам двух братьев по отношению к сестрам Хаанебик.

Париж, 31 марта 1875 г.

Париж,
31 марта
1875 г.

Дорогой Тео!

...Вчера я видел выставку Коро. Среди других была там и картина «Масличная гора»¹¹; я рад, что он ее написал.

Направо — группа оливковых деревьев, темных, на фоне сумеречного синего неба; на заднем плане — холмы и несколько больших деревьев, над ними вечерняя звезда...

В Салоне представлены три невероятно красивые работы Коро. Самая замечательная из них, написанная им незадолго до смерти, «Женщины, заготавливающие древесину», вероятно, появится в виде гравюры в L'Illustration или в Le Monde Illustré.

Как ты мог уже представить, я также посетил Лувр и Люксембургский музей.

Рейсдали в Лувре превосходны, в особенности «Куст», «Плотина» и «Солнечный луч».

Я хотел бы, чтобы ты когда-нибудь посмотрел маленького Рембрандта, «Апостолов в Эммаусе»¹² и парных «Философов».

Недавно я видел Жюля Бретона с женой и двумя дочерьми. Его фигура напоминает Ю. Мариса, но у него темные волосы.

Когда выдастся возможность, вышлю тебе его книгу «Поля и море», в которой имеются все его стихи.

¹¹ Картина, упомянутая Ван Гогом, «Христос на Масличной горе», 1849.

¹² Имеется в виду ранняя картина Рембрандта «Ужин в Эммаусе» или «Апостолы в Эммаусе» (1628–1629 гг.).

В Салоне есть его прекрасная картина «Праздник святого Иоанна». Крестьянки танцуют вокруг священного костра, на заднем плане виднеется деревушка с церковью, а над ней луна¹³.

Сейчас у него уже три картины в Люксембургском музее: «Процессия во ржи», «Собирательницы колосьев» и «Одинокая»¹⁴.

Адье. Винсент

В мае 1875 года Ван Гог окончательно переводят в Парижский филиал, где он последний год в своей жизни работает торговцем картинами.

Имея шанс реабилитироваться в глазах возлагавшего на него надежды дядюшки, Винсент, тем не менее, вместо того чтобы продавать посетителям дорогие картины, критикует их вкус и вместо салонных пошлостей пытается продавать красивые пейзажи. Одной из понравившихся ему в то время картин была картина Джузеппе де Ниттиса, которая позже была продана в салоне. На картине изображен вид на Лондон в дождливую погоду. О ней Ван Гог упоминает в письме от 24 июля 1875 года. В шапке письма, которое написано на фирменном бланке «Гупель и Ко», Винсент копирует сюжет картины де Ниттиса и рисует набережную Виктории. Впоследствии художник часто отображает то, в чем живет, что видит на гравюрах, картинах и набросках. Эта зарисовка – его способ признаться в любви городу: «Когда я вижу эту картину, я думаю о том, как сильно я люблю Лондон».

---

¹³ Здесь пропущено четверостишие из поэмы Бретона «Святой Иоанн», 1875.

¹⁴ В письме говорится о картинах «Благословение пшеницы, Артуа», 1857; «Сбор собирательниц пшеницы», 1859; «Вечер», 1860.

Париж, 17 сентября 1875 г.

Париж,
17 сентября
1875 г.

Дорогой Тео!

Чувство, даже тонкое чувство красоты природы, не то же самое, что чувство веры, хотя, я думаю, они стоят друг с другом в ближайшей связи. То же и с нашим чувством к искусству. Не предавайся ему чересчур...

Почти у каждого есть чувство природы, у одного больше, у другого меньше, но мало кто чувствует: Бог — это дух, и тот, кто поклоняется ему, должен поклоняться в духе и истине.

Отец — один из немногих, кто чувствует; то же и мать, и дядя Винсент, как мне видится. Ты знаешь, что в Писании сказано: «И мир проходит, и похоть его»¹⁵, но сказано еще о «благой части, которая не отнимется»¹⁶, об «источнике воды, текущей в жизнь вечную»¹⁷. Давай помолимся за то, чтобы мы богатели в Боге¹⁸. Но не думай о таких вещах слишком серьезно. Это придет к тебе со временем, просто делай то, что я всегда советовал тебе. Давай молиться о доле нашей в Царствии Небесном. Мы пока не заслужили этого, ибо часто не чувствуем бревна в глазе своем; давай же молиться, чтобы око наше было чисто, тогда и сами мы будем чисты¹⁹.

*Мое почтение Русам и всем, кто спрашивал обо мне.
Твой любящий брат Винсент*

¹⁵ Евангелие от Иоанна, 2:17.

¹⁶ Евангелие от Луки, 10:42.

¹⁷ Евангелие от Иоанна, 4:14.

¹⁸ Евангелие от Луки, 12:21.

¹⁹ Отсылки к Евангелию от Матфея, 6:22; от Луки, 11:34.

Париж, 11 октября 1875 г.

Письма
к брату

Дорогой Тео!

Благодарю за твое письмо сегодня утром. На этот раз собираюсь тебе написать так, как я нечасто делаю: хочу тебе, наконец, подробно описать, как я живу.

Как ты знаешь, живу я на Монмартре²⁰. Здесь живет также молодой англичанин, служащий фирмы, восемнадцати лет, сын торговца произведениями искусства в Лондоне. Впоследствии он, впрочем, перейдет в дело своего отца...

...Над ним много насмеялись, вначале и я сам. Несмотря на это, я почувствовал к нему симпатию и, уверяю тебя, теперь ужасно рад, что провожу с ним время по вечерам. У него совершенно наивное и неиспорченное сердце, и он здорово работает в фирме. Каждый вечер мы отправляемся вместе домой, едим что-нибудь в моей комнате, а под конец вечера я читаю вслух, в большинстве случаев Библию. Собираемся ее прочесть всю. Утром он обычно приходит меня будить между 5 и 6 часами, затем мы завтракаем в моей комнате, а в 8 часов отправляемся в галерею. За последнее время он стал более умеренным в еде; он начал собирать гравюры, в чем я ему помогаю.

Вчера мы с ним вместе ходили в Люксембург, я показывал ему картины, которые меня больше всего

²⁰ В Париже Винсент снимает комнату на Монмартре, по одной из версий холм несет свое имя от латинского Mons Martyrium — «Гора Мучеников» — и отсылает к мученической смерти троих святых, которые были обезглавлены на этом холме в 250 г. н. э. С холма Монмартр открывается красивая панорама Парижа, почему он и является столь притягательным для многих писателей и художников.

Париж,
11 октября
1875 г.

привлекают, и воистину простые люди знают многое из того, чего не знают понимающие.

В галерее я делаю все, что мне ни попадет под руки, такова наша задача во всю нашу жизнь, мой дорогой. Я бы хотел ее выполнить изо всех сил.

Сделал ли ты то, что я тебе советовал, избавился ли ты от книг Ренана, Мишле и пр.? Думаю, этим ты бы обрел мир. Место из Мишле о женском портрете Филиппа де Шампаня ты, конечно, не забудешь, не забывай также и Ренана, но тем не менее убери их. «Когда ты обрел мед, смотри, не ешь от него чрезмерно, дабы он не опротивел тебе», — так или в этом роде стоит в «Притчах Соломоновых».

Знаешь ли ты Эркмана-Шатриана: «Новобранец», «Ватерлоо» и в особенности «Друг Фриц» и «Мадам Тереза»? Прочти его как-нибудь, если тебе удастся его достать.

Разнообразная пища располагает к еде. Вообще мы должны стараться прежде всего есть простую пищу. Недаром сказано: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Лук не может быть натянут все время. Думаю, ты поймешь меня правильно. Я знаю, что у тебя всегда голова на плечах. Не считай, что все вокруг есть добро, и учись сам различать благое дело ото зла; и пусть это чутье укажет тебе верный путь с божьей помощью, потому что важнее всего, мой мальчик, что Бог располагает. Жду твоего скорого ответа с подробностями, кланяйся от меня знакомым, в особенности господину Терстеху и его семье, и всего хорошего.

Адье.

Твой преданный и любящий брат Винсент

Париж, 13 декабря 1875 г.

Письма
к брату

Дорогой Тео,

Я жаждал твоего письма этим утром и счастлив слышать, что ты поправляешься. Посылка тебе была отправлена только сегодня. В ней — небольшой сборник Жюля Бретона²¹.

С нетерпением жду Рождества, чтобы увидеться с тобой, мой мальчик, уже совсем скоро. Вероятно, я отправлюсь в четверг вечером.

Сделай все возможное, чтобы продлить этот праздник.

Вот и еще кое о чем, только не обижайся за это на меня: тебе, как и мне, понравились стихотворения Гейне и Уланда, но, мой мальчик, смотри, это довольно опасное приобретение — иллюзии недолговечны, не предавайся же им... Впоследствии книги Гейне и Уланда еще попадут в твои руки, и тогда ты прочтешь их с другим чувством и со спокойным сердцем... Возьми хотя бы образ нашего отца и нашей матери, возьми «Прощанье» Бриона и с этими тремя впечатлениями перед глазами перечти Гейне, тогда ты увидишь, что я имею в виду...

Винсент

---

²¹ Винсент обещал отправить Тео книгу «Поля и море» Жюля Бретона, письмо 5.

Париж, 10 января 1876 г. _____

Париж,
10 января
1876 г.

Дорогой Тео!

С того времени, как мы с тобой видались, я еще тебе не писал, а за последнее время случилось нечто, что не было, однако, для меня неожиданностью.

Когда я встретился с господином Буссо²², я спросил его, считает ли он желательным, чтобы я оставался в фирме и в этом году, и нет ли у него чего-нибудь серьезного против меня.

Как раз это и оказалось. Он меня форменно поймал на слове и сказал, что с 1 апреля я могу уходить, благодаря господ за то, чему я научился в их фирме.

Когда яблоко созрело, легкий ветерок срывает его с дерева, так и тут: я действительно совершил вещи, которые, в известном отношении, были недопустимы, и поэтому мне мало что остается возразить.

Так вот, мой мальчик, что мне теперь делать? Для меня все темно! Постараемся, однако, сохранить надежду и бодрость.

Будь так добр, дай это прочесть господину Терстеху, но будет лучше, если в данный момент ты об этом больше никому не скажешь и сделаешь такой вид, будто вообще ничего не происходит.

Пиши поскорей.

Твой преданный и любящий брат Винсент

---

²² Один из руководителей фирмы «Гупиль и К°».

Париж, 19 февраля 1876 г.

...На этих днях я прочел прекрасную книгу Элиот²³, три рассказа: «Сцены из клерикальной жизни».

Особенно тронул меня последний рассказ «Исповедь Джэнет» — это жизнь проповедника, мирно обитавшего среди жителей грязных улиц в своем городе. Его кабинет выходил на сады с капустными кочерыжками и проч., на красные крыши и дымящиеся трубы бедняцких домов. На обед он обычно получал плохо сваренную баранину с водянистым картофелем. В возрасте тридцати четырех лет он умер, и за время его продолжительной болезни за ним ходила женщина, которая до этого была предана пьянству, но, благодаря его словам и, так сказать, опираясь на него, превозмогла самое себя и нашла мир в своей душе. При его погребении был прочитан текст, в котором стояло: «Я воскресение и жизнь, верующий в меня будет жить, даже если умрет»...

Винсент

С мая 1876 года, после разрыва с фирмой дядюшек, у Винсента начинается период поисков и мытарств. В апреле он принимает предложение преподобного мистера Стокса стать учителем в Рамсгейтской частной школе в Англии за еду и содержание. Однако мистер Стокс оказывается неблагонадежным, вскоре школа закрывается, и Винсент едет в Айлворт, где решает воплотить в жизнь идею, которая крутится в его голове последние месяцы, и становится помощником пастора. Решимость его такова, что, несмотря на юный возраст (Винсенту было 23 года на тот момент), он ведет церковные службы и даже читает первую в своей жизни проповедь на английском языке.

---

²³ Джордж Элиот (настоящее имя Мэри Энн Эванс) — английская писательница XIX века.

Эттен, 4 апреля 1876 г.

Эттен,
4 апреля
1876 г.

Дорогой Тео!

Утром в день моего отъезда из Парижа я получил письмо от одного учителя из Рамсгейта²⁴ с предложением побыть там месяц (без жалования), чтобы по прошествии этого времени посмотреть, может ли он меня использовать.

Ты можешь себе представить, как я рад, найдя кое-что. Помещение и еду я получаю, во всяком случае, даром.

Вчера мы ездили с отцом в Брюссель и нашли дядю Хейна очень больным.

В поезде мы много рассуждали с отцом о живописи, в том числе о картинах Рембрандта в Лувре и о портрете Бургомистра Сикса²⁵, но в особенности о Мишеле...²⁶

...Я так счастлив, что увижусь с тобой, а также с Лиз²⁷ до моего отъезда!

Рамсгейт — это, как тебе известно, курорт с 12 000 жителей, так прочел я в одной книге, но больше я о нем ничего не знаю.

Ну а теперь — до субботы. Удачной поездки.

Всегда твой любящий брат Винсент

²⁴ Прибрежный город на юго-востоке Англии.

²⁵ «Портрет Яна Сикса», Рембрандт, 1654.

²⁶ Жорж Мишель — крупный французский художник-пейзажист (1763–1843).

²⁷ Сестра Ван Гога Элизабет Губерта.

Рамсгейт, 17 апреля 1876 г.

Письма
к брату

Дорогие отец и мать!

Нет сомнения, что телеграмму вы уже получили²⁸, но вам, вероятно, хотелось бы узнать больше подробностей...

Из Лондона спустя два часа мы отправились в поезде в Рамсгейт. Это приблизительно 4 1/2 часа езды. Красивая дорога. Между прочим, мы проезжали по холмистой местности. Внизу холмы поросли скудной травой, а наверху — дубовой зарослью, что очень напоминает наши дюны... Мы проезжали также мимо Кентерберри, города, который еще много сохранил из своих средневековых построек. В особенности там есть великолепная церковь, окруженная вязами.

Я не раз видал на картинах нечто вроде такого города.

Вы, конечно, себе можете представить, что я все время сидел у окна и ждал Рамсгейт. Около часа дня я прибыл к мистеру Стоксу (Mr. Stokes). Его не было дома, но сегодня вечером он уже возвратился. Здесь двадцать четыре мальчика от десяти до четырнадцати лет. Школа, таким образом, невелика, окна выходят на море...

---

²⁸ По приезде в Рамсгейт Винсент направил короткую телеграмму родителям: «Благополучно добрался. Пансион, 24 мальчика. Думаю, что все удачно. Мое почтение». Отец Ван Гога сразу же выслал письмо Тео, в котором выразил беспокойство о том, как сложатся дела Винсента и как он управится с двадцатью четырьмя воспитанниками пансиона, подчеркивая, тем не менее, что такая практика и работа с жизнерадостными мальчишками пойдут сыну на пользу.

Рамсгейт,
31 мая
1876 г.

Вечером мы ходили с мальчиками в церковь... В восемь мальчики ложатся спать, в шесть встают. Есть еще один учитель семнадцати лет. Он, я и шесть мальчиков спим в другом доме, тут же рядом, где у меня есть маленькая комната. Между прочим, в ней бы хватило места и для нескольких гравюр по стенам.

Но довольно на сегодня. Какие чудные дни мы прожили! Благодарю, благодарю за все!

Поклон всем, с мыслью о вас жму руку.

Ваш любящий сын Винсент

13

Рамсгейт, 31 мая 1876 г.

Дорогой Тео!

...Рассказывал ли я тебе уже о той буре, свидетелем которой я стал? Море желтоватого оттенка, особенно у берега; полоска света на горизонте, а над ним — сокрушительно огромные, темно-серые тучи, разрезанные косым дождем. Ветер сдувает в море пыль с большой, светлой скалистой тропинки и беспощадно рвет цветущие на камнях растения.

Направо — поля зеленой пшеницы, а вдали выситя своими башнями, мельницами и кровлями готических домов город. Внизу меж двух причалов залегла бухта, выходящая в море, — выглядит как города с гравюр Альбрехта Дюрера²⁹. Прошлой воскресной

²⁹ Альбрехт Дюрер — немецкий живописец и график (1471–1528).

ночью я тоже видел море. Кругом было темно-серо, но день уже загорался на горизонте. Хоть и было совсем еще рано, жаворонок уже начал свою песню. Соловьи в прибрежных садах вторили ему. Вдалеке — свет маяка, сторожевое судно и пр.

В эту же ночь я взглянул через окно своей комнаты на крыши домов и верхушки вязов, темных на фоне ночного неба. Над этими крышами была единственная звезда, но такая светлая и добрая. И я подумал обо всех нас, и я подумал о годах своей жизни, что уже прошли, и о нашем доме, и вот такие слова и чувства посетили меня: «Убереги меня от пути бесчестия³⁰, дай мне Свое благословение не потому, что я заслужил его, а во здравие Матери моей. Ибо Любовь все переносит³¹. Без благословения Твоего мы есть ничто».

При сем маленький рисунок с видом из окна школы, через которое мальчики могут видеть своих родителей и провожают их взглядом, когда те приходят их посетить и затем отправляются обратно на станцию. Многие мальчики никогда не забудут этого вида. Ты бы посмотрел на него на этой неделе во время дождливых дней, особенно в сумерки, когда зажигают фонари и свет от них отражается на мокрых улицах.

В эти дни г-н Стокс иногда бывает не в настроении, и когда мальчики, по его мнению, уж чересчур шумят, то, случается, не получают вечером ни хлеба, ни чаю. Поглядел бы ты на них, когда они выглядывают из окна; в этом есть что-то меланхолическое. У них почти ничего нет, кроме еды и питья, на что бы они

³⁰ Отсылка к библейским притчам 10:5, 17:2, 19:26.

³¹ Новый Завет, Первое послание к Коринфянам, глава 13:7.

могли надеяться и что помогало бы им жить изо дня в день. Ах, если б ты видал, как они идут к столу по темной лестнице через маленький проход. Затем, однако, солнце снова светит весело.

Другое оригинальное место — это комната с прогнившим полом, куда приходят по шесть мальчиков умываться и где на умывальник падает слабый свет из разбитых оконных стекол. Это тоже более или менее меланхолический вид. Как бы мне хотелось провести зиму с ними, чтобы понять, каково это.

Мальчишки оставили масляное пятно на твоём рисунке, но ты прости им...³²

Твой любящий Винсент

Айлворт, 4 июля 1876 г.

...У меня сейчас такое настроение, когда кажется, что не существует никакого другого призвания на свете, кроме дела учителя или проповедника со всем тем, что с этим связано, как, например, звание миссионера, Лондонское миссионерство и проч.

Лондонское миссионерство — это, мне кажется, особенное дело: нужно ходить среди рабочих и бедняков, распространять слово божье и, когда приобретешь некоторый опыт, — беседовать с ними; разыскивать иностранцев, ищущих работы, и других лиц, находящихся в каком-либо затруднении, и стараться им помочь и т. д. и т. п.

³² Внизу рисунка было масляное пятно.

На прошлой неделе я был раза два в Лондоне, стараясь разузнать, нет ли возможности заняться этим. Поскольку я говорю на разных языках и особенно в Париже и Лондоне довольно много встречался среди людей бедного класса и иностранцев, да и сам я иностранец, — то я бы годился на это.

Но для этого надо быть, по крайней мере, двадцати четырех лет, а мне, во всяком случае, до этого остается еще целый год.

Г-н Стокс определенно говорит, что не может мне платить жалованья, потому что за стол и помещение может на мое место получить достаточно других лиц. В самом деле, так это и есть. Но долго ли это будет продолжаться? Боюсь, что нет. Все решится достаточно скоро.

Но, дорогой мой, как бы дело ни разрешилось, я снова могу сказать тебе, что все радости и горести, через которые я прошел за несколько месяцев здесь, так сильно привязали меня к такой деятельности, как учительствование или священнослужение, что я уже не сверну с этого пути...

...На прошлой неделе я посетил Хэмптон-Корт³³, чтобы полюбоваться роскошными садами и длинными каштановыми и липовыми аллеями, где вороны и грачи строят свои гнезда, и изучить дворец и картины. Среди прочих, там много портретов Гольбейна, которые очень хороши, а также два замечательных Рембрандта (портрет его жены и портрет раввина) и прекрасные итальянские

---

³³ Построенный в начале XVI века дворец на берегу Темзы; до 1760 г. — королевская резиденция.

портреты Беллини, Тициана, картина Леонардо да Винчи, этюды Мантеньи, полотно Рейсдала, «Фрукты» Кейпа³⁴ и так далее.

Я очень желал, чтобы ты побывал там тоже. Было настоящим наслаждением снова увидеть картины...

Винсент

15

Айлворт, 3 октября 1876 г.

...В субботу, неделю назад, я предпринял длинное путешествие в Лондон, где по слухам есть место, которое могло бы пригодиться для моего будущего. Проповедники в приморских городах, например в Ливерпуле и Халле, зачастую нуждаются в помощниках, которые могли бы говорить на разных языках и в состоянии были бы тем самым работать среди моряков и иностранцев, а также посещать больных. К тому же такое место могло бы оплачиваться.

Я выехал рано утром, в четыре. В ту ночь в здешнем парке было прекрасно: темные аллеи вязов, среди которых пролегает мокрая тропа, а над всем этим — серое, дождливое небо и гроза где-то вдалеке. Когда светало, я уже был в Гайд-парке, где листья начали опадать с деревьев, а дикий виноград горел восхитительно-красным на фоне домов. Стоял туман. В семь часов я прибыл на Кеннингтон-роуд

³⁴ «Фрукты» и еще несколько картин в то время приписывались авторству Якоба Герритса Кейпа. В наше время упомянутый натюрморт подписан как «Неизвестный: XVII век. В стиле Виллема Кальфа».

и немного передохнул в церкви, которую так много посещал по воскресеньям³⁵.

В Лондоне я навестил пару человек и зашел в галерею господ Гупиля и Ко, и там видал рисунки, привезенные ван Итерсоном. Большое наслаждение снова увидеть таким образом голландские города и луга. Та картина Артца³⁶, мельница на берегу канала, действительно очень красива, как по мне...

...Вернулся ли уже ван Итерсон? Я был счастлив увидеться с ним снова, он привезет тебе «Широкий, широкий мир»³⁷. Почитай это как-нибудь на днях. Особенно хороши первые главы и так воистину просты. Почитай также и Лонгфелло, например:

*I see the lights of the village
Gleam through the rain and the mist.
And a feeling of sadness comes o'er me,
That my soul cannot resist...*³⁸

...Итак, мой дорогой, жму мысленно руку тебе и дяде Яну...³⁹

Винсент

³⁵ Воспоминания, о которых пишет Ван Гог, относятся к периоду, когда он был постояльцем дома 395 на Кеннингтон-роуд, с августа по октябрь 1874 и с декабря 1874 г. по май 1875 г.

³⁶ Неизвестно, о какой картине Давида Адольфа Констана Артца идет речь.

³⁷ Роман Элизабет Уэзерелл (Сьюзан Уорнер), 1895 г.

³⁸ Отрывок из стихотворения Генри Уодсворта Лонгфелло «Затерянный»:

Там я вижу — огни вдоль деревни
Сквозь туман и сквозь дождик горят,
И томительным чувством печали,
Против воли, я властно объят. (Пер. с англ. К. Д. Бальмонта.)

³⁹ Ян Ван Гог — дядя Винсента, директор Амстердамской морской верфи.

Дордрехт,
23 марта
1877 г.

Рождественские каникулы 1876 года Винсент проводит в родительском доме в Гааге, где на семейном совете принимают решение о его возвращении в Нидерланды. Благодаря стараниям дядюшки Винсенту находят место бухгалтера в книжной лавке в Дордрехте. Однако вместо того чтобы работать, чудака Винсент рисует деревья, читает и даже придумывает себе очень интересное занятие: разделив лист на четыре колонки, он пишет перевод Библии сразу на четыре языка: французский, английский, немецкий и голландский. В итоге будущий художник твердо решает больше никогда не заниматься торговлей и объявляет о своем намерении стать пастором. В мае 1877 года семья посылает Винсента в Амстердам к дяде Яну Ван Гогу, где под надзором другого родственника – дяди Стриккера, который был тогда священником протестантской церкви, он усердно занимается перед поступлением на теологический факультет.

Рисунок Ван Гога в письме от 25 ноября 1876 года. Винсент возвращался из школы в Тернем-Грин и шел по грязной улице к деревне Питершам, стоящей на Темзе, когда его настиг ранний закат и он едва не заблудился. Винсент почти ничего не видел, когда наткнулся на огонек в церкви, благодаря которому он нашел верную дорогу.

16

Дордрехт, 23 марта 1877 г. _____

Дорогой Тео!

Хотел убедиться, что мое письмо тебя настигнет в пути. Какой прекрасный день мы провели вместе в Амстердаме, я так и остался стоять и смотреть на уходящий вместе с тобой поезд до тех пор, пока он окончательно не исчез из виду. Мы ведь старые добрые друзья, не так ли? Сколько раз мы

с тобой гуляли, вглядываясь в темные поля с молодой пшеницей в Зюндерте, где к этому времени года мы вместе с Па обычно слышали жаворонков.

Утром мы с дядей Кором пошли повидать дядюшку Стриккера. У них был длинный разговор сам знаешь о чем. Вечером, где-то в полседьмого, дядя Кор отвел меня к станции, вечер был красивый, и казалось, что все вокруг о чем-то говорит, погода была спокойной, на улицах была легкая туманность, какая обычно бывает в Лондоне. На следующее утро у дяди разболелись зубы, но, к счастью, это длилось недолго и мы пошли в цветочный магазин. Зайдя туда, мы сразу увидели сосновые ветки, плющ и живую изгородь из боярышника, как хорошо любить цветы. Написал родителям о том, как мы провели время в Амстердаме, о чем говорили. Придя домой, обнаружил письмо от Райкена. Отец был не в состоянии провести проповедь в прошлое воскресенье, поэтому его заменил Жан Кам — я знаю, «горело в нем сердце его»⁴⁰, знаю, что произойди что-нибудь, я мог бы посвятить служению Ему всего себя без остатка, Па всегда этого хотел. Пусть так и будет, пусть Господь благословит меня на это. Те слова, что написаны на той бумаге, которую ты передал мне: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не пройдут»⁴¹ — и портрет Отто Герхарда Хелдринга⁴²

---

⁴⁰ Отсылка к Евангелию от Луки 24:32: «И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?»

⁴¹ Евангелие от Матфея 24:36.

⁴² Отто Герхард Хелдринг (1804–1876 гг.) — нидерландский проповедник, создатель нескольких благотворительных организаций.

уже висят на стене в моей комнате, хорошо, что ты дал их мне, они дарят мне надежду.

Я пишу тебе о своих планах, не задумываясь, и пока пишу, идея становится все более четкой и ясной. Сейчас я думаю о словах «Удали от меня пути лжи и закон Твой даруй мне»⁴³, я страстно жажду познакомиться с богатством Священного писания, преданно изучать все эти старинные предания до основания и особенно изучить все, что известно о Христе. Ведь наша семья — поистине христианская, в самом прямом значении этого слова: из поколения в поколение в ней можно было наблюдать слуг Священного писания. Так почему этот голос не должен быть услышан в этом и последующих поколениях? Почему член этой самой семьи не должен сейчас услышать зов, не должен задуматься как следует о том, чтобы посвятить себя этой цели?

...Моя молитва и внутреннее желание сейчас направлены на то, чтобы дух моего отца и дяди почил на мне и чтобы и мне было дано стать христианином и работником во Христе, и да будет моя жизнь чем дальше, тем больше подобна ему; мне очень бы хотелось, чтобы большая и напряженная работа, нужная для того, чтобы стать служителем Христа, была уже позади меня... Их Бог станет моим Богом, их народ станет моим народом⁴⁴, и такова моя участь: познать Иисуса Христа и цену Воскресения Его, и да

⁴³ Отсылка к Псалму 119:29.

⁴⁴ Отсылка к Книге Руфи, глава 1:16–17.